

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.23>

Варёшин Никита Владимирович

ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ ГЕРОЯ-СЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, Л. Н. ТОЛСТОГО, Г. СВИФТА

В статье на материале русской литературы XIX в. и английского постмодернистского романа "Земля воды" (1983) анализируются психология литературного персонажа (преступника) и условия, при которых герой из объекта расследования сыщиков трансформируется в рефлексирующего субъекта, расследующего свое преступление. Цель работы - рассмотреть в сравнительном аспекте ситуации детективного характера, описанные Достоевским, Толстым и Грэмом Свифтом. Автор исследует следующие аспекты расследования: психологический взгляд "вовнутрь", анализ внешне-социальных факторов, ретроспективно-исторический анализ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 100-104. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**INTERPRETATION OF THE BIBLICAL LEGEND OF LAZARUS'S RESURRECTION
IN THE WORKS OF THE LATIN AUTHORS OF THE IX-XI CENTURIES
AND IN THE LATE BYZANTINE LITERATURE**

Beresneva Lyudmila Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Russian State University of Justice, Moscow
mila1012101@mail.ru

Nadezhkin Aleksei Mikhailovich, Ph. D. in Philology
Nizhny Novgorod
aleksej1001@gmail.com

The article considers the problem of interpreting the biblical legend of Lazarus's Resurrection in the works of the Latin authors of the IX-XI centuries and in the late Byzantine literature. The researchers introduce new information acquired from the previously untranslated works by Remigius of Auxerre, Odo of Cluny, John the Carthusian, George Kodinos, encyclopedist Maximus Planudes, emperor John VI. The paper compares medieval perception of the biblical legend of Lazarus's Resurrection and the interpretation proposed by Holy Fathers in the IV-V centuries. Analysing commentaries of the Latin authors of the IX-XI centuries and the late Byzantine writers, the researchers identify similarities between patristic interpretation of John chapter XI and medieval Christian perception of the legend of Lazarus. The paper also reveals differences in the exegesis of ecclesiastical writers, whose works represent dynamics of the key events in the life of the church, where the legend of Lazarus is a response to theological challenges facing Christianity.

Key words and phrases: Holy Writing; biblical legend of Lazarus's Resurrection; Byzantine and Latin Christianity; writings of the Early Fathers; history of church; exegetics; plot; homily; apologetics.

УДК 82.091

Дата поступления рукописи: 11.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.23>

В статье на материале русской литературы XIX в. и английского постмодернистского романа «Земля воды» (1983) анализируются психология литературного персонажа (преступника) и условия, при которых герой из объекта расследования сыщиков трансформируется в рефлексирующего субъекта, расследующего свое преступление. Цель работы – рассмотреть в сравнительном аспекте ситуации детективного характера, описанные Достоевским, Толстым и Грэмом Свифтом. Автор исследует следующие аспекты расследования: психологический взгляд «вовнутрь», анализ внешне-социальных факторов, ретроспективно-исторический анализ.

Ключевые слова и фразы: преступление; следователь; Г. Свифт; детективный жанр; интериоризация; экстериоризация; психология.

Варёшин Никита Владимирович

Московский государственный лингвистический университет
skainik@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ ГЕРОЯ-СЛЕДОВАТЕЛЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, Л. Н. ТОЛСТОГО, Г. СВИФТА**

Главной характеристикой зародившегося в XIX в. детективного жанра (от лат. *detectio* – «раскрытие») является раскрытие сыщиком в процессе расследования обстоятельств загадочного преступления. Детектив – это жанр, «сюжетная коллизия которого построена на поиске путей разрешения какой-либо сложной и запутанной задачи, в конечном итоге связана с обретением истины» (здесь и далее курсив автора статьи. – Н. В.) [9, с. 30]. Если в детективном жанре писатели придают загадочность преступлению, то для представителей классической литературы главной загадкой является человеческая душа, которая во многом способствует неоднозначности характера. Мыслительные процессы подталкивают человека на неожиданные (не только для окружающих, но и для него самого) поступки: «Апофатика описывает спонтанное, а следовательно – непредсказуемое взаимодействие дифференцированных функций психики героя, побуждающее его совершать неожиданные поступки» [2, с. 353].

Актуальность темы детективного исследования человеческого характера определяется интересом литературных авторов XIX века к психологическому анализу человеческой души. В. Е. Хализев писал, что литература издавна ставила целью изображение внутреннего мира человека, характеризующегося психологической мобильностью: «Интерес литературы к психологическим состояниям изначален. <...> Формы освоения душевно-духовной сферы со временем меняются и обогащаются» [14, с. 188]. Писатели в своих произведениях принимают попытку раскрыть, как детективную тайну, человеческое поведение и мотивацию действий. Обращение к психологической концепции более земного, в отличие от романтического «сверх-героя», персонажа А. В. Карельский назвал «дегероизацией». Ее суть – в «размежевании с романтической традицией “необыкновенного” героя, обращение к последовательному реализму, к правде повседневного бытия» [6, с. 198].

Человеческая психология исследуется как в произведениях «классического реализма» («Мартин Чезлвит» Ч. Диккенса, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского), представители которого заимствуют у детектива когнитивные аспекты преступления и расследования, так и в рассказах непосредственно детективного содержания (цикл Конан Дойла о Шерлоке Холмсе), с той разницей, что в первом случае персонаж выступает в качестве анализирующего себя субъекта (Чезлвит, Раскольников), а во втором – в качестве объекта поисков следователя. «Объектное» отношение Холмса к преступнику объясняется тем, что Конан Дойла интересуют, прежде всего, сыскная деятельность и применение частным детективом естественнонаучных данных и метода дедукции. В то время как главными предметами анализа, например, в творчестве Достоевского и Толстого становятся социальные окружение человека, его многогранные эмоции и автокомпетенция.

Научная новизна исследования состоит в изучении закономерностей психологического процесса интериоризации – влияния внешне-социальных явлений на индивида (преступника).

Цель исследования – проанализировать смену парадигмы, в результате которой преступник склоняется к интроспекции. Мы обратимся к творчеству Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, с которым соотнесем роман «Земля воды» (*Waterland*, 1983) Грэма Свифта (р. в 1949). Также мы предпримем попытку показать, каким образом преступник из объекта расследования сыщиков трансформируется в рефлексирующего субъекта «высокой литературы», который предстает в процессе интериоризации перед своим многогранным сознанием. Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить примеры интериоризации в произведениях Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание») и Л. Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната»); 2) сравнить их с аналогичными примерами из постмодернистского романа «Земля воды».

Главным предметом анализа в творчестве Достоевского, Толстого и Свифта становятся социальное окружение человека, его многогранные эмоции и автокомпетенция. Под автокомпетенцией мы понимаем «внутреннее расследование», которое литературный персонаж ежедневно проводит в отношении своей деятельности на основе переживания внешних событий. За формирование психики отвечает процесс интериоризации (от лат. *inter* – «внутренний»), то есть «переход чего-либо внешнего внутрь; в психологии усвоение индивидом мнений, стандартов поведения и т.п., существующих в обществе, как своих собственных» [7, с. 166].

Главный герой романа «Преступление и наказание» (1866) совершает преступление и анализирует его. Согласно модели Артура Шопенгауэра, индивид, чьей воле свойственен эгоизм, ради своего самоутверждения совершает несправедливость по отношению к другому человеку, покушаясь на его собственность или жизнь. Однако в то же самое время человек, направивший свою волю против другой, невольно ставит себя на место своей жертвы и отчетливо понимает, что за отрицанием чужой воли скрыто отрицание своей собственной: «С другой стороны, в совершающем несправедливость возникает сознание, что он... становится отрицателем той же самой воли в другом ее явлении и, следовательно, в качестве воли в себе своим насильем он *идет против самого себя, терзает самого себя* (курсив автора статьи. – Н. В.)...» [15, с. 286]. По Шопенгауэру, это сознание возникает в человеке «в виде темного чувства» – угрызений совести. Свенцицкий определяет совесть как «совокупность моральных принципов и ценностей индивида, регулирующих его поведение посредством нравственного самоконтроля» [7, с. 404]. Пробуждение совести во внутреннем мире героев – «один из важнейших стимулов рефлексии литературных персонажей» [14, с. 195].

Публикация статьи «О преступлении» Раскольникова – это произошедшая вследствие процесса экстерииоризации (лат. *exterior* – «наружный, внешний») – «перехода умственных действий из их внутренней свернутой (идеальной) формы в развернутые внешние (материальные) действия» [7, с. 494] – материализация психологической теории автора, предполагающей деление людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». Следующая ступень – обдумывание и непосредственно убийство Алёны Ивановны. Однако на встречах с Порфирием Петровичем герой Достоевского попадает под психологическое влияние следователя, выступающее «мостиком» между экстерииоризацией и интериоризацией внешнего конфликта между сыщиком и убийцей. После трех встреч со следователем Раскольникову предстоит переосмыслить свое преступление как действие, совершенное против самого себя. Диалоги Родиона со следователем вводят тему перевоспитания героя: в каждом новом разговоре сыщик всё сильнее уязвляет самолюбие Раскольникова и приводит его к необходимости признания.

Роман перевоспитания воссоздает «логику отказа героя от авторитарных педагогических (в случае Раскольникова «революционных». – Н. В.) систем в пользу интерактивно-диалогической – как более адекватной насущным требованиям гармонизации глубинных интересов личности и общества» [1, с. 82]. В этом смысле Порфирий Петрович играет в романе, скорее, роль ментора по отношению к Раскольникову, нежели следователя.

После первого разговора Раскольников начинает понимать, что он так и не достиг уровня Наполеона, поскольку страх быть разоблаченным просто не вписывается во вседозволяющую философию властителей мира: «Потому, потому я окончательно вошь... потому что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь...» [5, с. 267]. Во вторую встречу Порфирий терзает душу героя унижительными обращениями («голубчик», «миленький» и т.д.) и заставляет Раскольникова почувствовать себя в роли побежденного своей «обыкновенностью». В последнюю встречу следователь прямо называет Раскольникова убийцей и призывает его совершить явку с повинной, отмечая, что Родион не сможет долго просуществовать «в мире разрушенных религиозно-нравственных абсолютов» [11, с. 354].

Еще не убивший Алёну Ивановну Раскольников оказывается бессилён «контролировать свои настроения и эмоции» и осознать, каким скрытым от него самого образом «бессознательные факторы (существующие автономно. – Н. В.) крадываются в его мероприятия и решения» [16, с. 85]. Но в момент прений со следователем Родиону как субъекту раскрывается склонность его сознания к самоанализу. Раскольников воспринимает психологические уловки следователя, вследствие чего измученный морально преступник созерцает результаты своей деятельности изнутри, что отчасти дает ему ключ к исследованию своего бессознательного.

Грэм Свифт описывает в своих произведениях персонажей, ставших жертвами собственной деструктивности и неудовлетворенных своей жизнью. С Раскольниковым их роднит тяготение к интроспекции, пробуждаемой насущной потребностью возвратиться на путь, ведущий к поправленному деструктивизмом «истинному счастью»: «Они (герои Г. Свифта. – Н. В.) любят размышлять о том, что с ними случилось, всё время вспоминают прошлое, ищут объяснений своим собственным поступкам» [4, с. 58].

У Раскольникова уже были предпосылки к самоанализу до совершения преступления и знакомства со следователем. Он со скрупулезностью сыщика выявляет истинное лицо Петра Лужина и его мотивы женьтибы на Авдотье Раскольниковой. В момент знакомства с Лужиным Раскольников ставит себя на место «благодетеля» и тем самым делает заключение, по выражению Ю. Б. Гиппенрейтер, «о содержании сознания другого человека» [3, с. 28] и неизменно обращает свое внимание вовнутрь. Таким образом, Раскольников становится «сыщиком», испытывающим неприязнь к людям, проповедующим философию социальной адаптации. Именно как ее последователь Лужин обвиняет Соню в краже у него денежных ассигнаций, и для Родиона – «следователя» его мотивы очевидны: вернуть расположение Пульхерии и Авдотьи Раскольниковых. В процессе интериоризации герой выявляет истинное лицо имморалиста (по Ницше), воплощающего наполеоновскую теорию, – Аркадия Свидригайлова, его «белоснежную маску», скрывающую тяжелый взгляд павшего и никем не любимого человека. Несмотря на то, что поступки Свидригайлова неоднозначны (перед смертью он дает деньги Соне), он оказывается не в состоянии отыскать выход из духовного тупика.

В образе Николая Ставрогина (герой романа «Бесы») – «европеизированного интеллекта рации» (А. Янов), неспособного примкнуть к какому-то ни было течению (ни к атеистическому, ни к христианскому) и потому удавившегося в петле, – русский писатель «попытался воплотить... идею о неспособности интеллекта разгадать законы общественного устройства, открытые лишь интуиции верующего о том, что интеллект – Мефистофель общественного сознания, провоцирующий его на неисполнимые, безумные акции, неотвратимо влекущий в исторический тупик безверия, *преступления* и бесовства» [17, с. 193]. Иван Карамазов – бунтарь, чья философия вседозволенности влияет на Павла Смердякова и в результате экстеризируется в убийство Смердяковым Фёдора Карамазова. Таким образом, Иван становится причастным к преступлению.

Из-за того, что пара двух противоположностей («Тварь ли я дрожащая или право имею?») замыкает сознание героя Достоевского, он не ощущает перспективы скрытой в его душе доброты, но она неожиданно пробуждается в нем, например, в разговоре с младшей из дочерей Екатерины Ивановны в день смерти Мармеладова (часть 2, глава 7). Момент общения с Полиной откладывается в сознании у Раскольникова, на мгновение оставляя светлый след ее всеобъемлющей любви ко всем и каждому у него в душе, и он просит девочку поминать его в молитвах, как и других дорогих ей людей. Анализируя поступки Лужина и общаясь с Мармеладовыми, Раскольников понимает, что есть альтернатива его «наивному демонизму» – «компенсации» безнадежного социального унижения. Это путь добра в Боге. Падение «сверхлюдей» Лужина и Свидригайлова позволяет Раскольникову психологически переосмыслить свою теорию; в результате герой ее окончательно отвергает после сна, увиденного им на каторге.

Интериоризация внешнего конфликта общества и главного героя повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886) возникает из-за несоответствия между ожиданиями и суровой реальностью. Иван Ильич Головин – смертельно заболевший член Судебной палаты, который прежде с удовольствием исполнял социальную функцию светского человека. Болезнь – это и отправная точка перемен в мироощущении Ивана Ильича, и следствие его отторжения от окружающих. Каждый день персонаж Толстого ощущает неминуемое приближение смерти, а потому для него очевиден обман домочадцев, «что он только болен, а не умирает» [12, с. 247]. Осмысление происходящего подталкивает Головина к переоценке ценностей и в целом жизни, прежде услаждавшей его (девятая глава толстовской повести в этом смысле несет детективную функцию). В результате «расследования» своей жизни герою ненавистны праздные разговоры домочадцев с представителями богемы (например, с женихом дочери Фёдором Петровичем о театре). Неутешительные результаты рефлексии делают Ивана Ильича асоциальным – отвергающим ложные ценности общества, которые он раньше лелеял. Но главная его трансформация – от социальной функции к мыслящему человеку, ищущему смысл в жизни и находящему его в христианской вере. Смысл христианства Толстой видел в спасении души, а для спасения необходимо жить «по-божьи»: «Но чтобы так верить, нужно так жить – в отречении, труде, смирении, терпении, ибо вера без дел мертва есть» [10, с. 29]. В повести «Смерть Ивана Ильича» буфетчик Герасим (единственный из всех, кто относился к больному с терпением и добротой) приоткрывает главному герою глаза на подлинный смысл жизни. Его поведение интериоризуется в сознании Головина и дает ему простор для переосмыслений. Самое последнее осознание Ивана, по мысли Толстого, – это его перерождение, просветление души, которое возвращает заблудшую душу в райское Царство милости и любви Божьей к людям: «Вместо смерти был свет» [12, с. 269].

В повести «Крейцера соната» (1891) Толстой вновь обращается к детективно-философскому исследованию человеческой жизни. Как и Иван Ильич, Василий Позднышев отвергает «радости жизни», пропагандируемые обществом, но интроспекция приводит его не к перерождению (в отличие от Раскольникова и Головина), а к убийству своей жены, заподозренной в связи с музыкантом Трухачевским. Убивая ее, Позднышев прощается не столько с ревностью, мучившей его долгое время, сколько с разрушающей людское сознание философией, возводящей плотскую любовь в Абсолют.

Если повесть Л. Н. Толстого интериоризовала конфликт преступника и общества, то роман «Земля воды» – конфликт интересов директора школы Льюиса Скотта и Тома Крика. Отстаивая в психологическом поединке свой школьный предмет, герой Г. Свифта вступает в область аналитики человеческого поведения. Том Крик называет «Почему?» главным вопросом для историка, возникающим в сознании каждый раз, когда

человек чувствует потребность в объяснении непонятных, чаще всего неприятных для него явлений: «Он (вопрос «Почему?»). – Н. В.) имеет под собой... неудовлетворенность, беспокойство, ощущение, что всё идет не так, как надо» [8, с. 130]. В качестве примера «беспокойного человека» Том приводит своего прадеда Томаса Аткинсона и самого себя в юности. В пятнадцать лет его сознание претерпевает мучительную трансформацию из мифологического в историческое после того, как его любимая девушка Мэри Меткаф делает опасный для жизни аборт, из-за которого становится бесплодной. Когнитивное сознание уже взрослого Тома Крика, преподающего историю в школе, предстает перед сложной задачей – анализом коллективного бессознательного, которое в романе представляют его предки-пивовары Аткинсоны. В поиске психологических предпосылок преступлений прошлого испытывающий кризис рации герой Свифта, «следователь поневоле», вынужден признать, что истину невозможно отыскать в принципе.

Льюис Скотт, как замечает Том, чувствует себя комфортно в должности директора, поскольку придерживается принципа «Всё лучшее детям». Каждый раз, встречаясь с учениками в школьном коридоре, он лучезарно улыбается. Но его веселость – напускная, за радушием скрыт страх, который Скотт привык часто запивать спиртным. Создавая его портрет, Г. Свифт применяет метафору корабля: Льюис из капитана трансформируется в носовую фигуру. Такая перемена напрямую связана с его тайными страхами: «Наша школа – новенький корабль... Вот только он уже не капитан. <...> Под слоем лака цельный кусок дерева (и червячки тревоги)» [Там же, с. 33]. Он страшится будущего, поэтому радуется за прогрессивное обучение, благодаря которому ученики смогут направить свой взгляд вперед. Для Тома Крика тревога Льюиса перед неопределенностью – подтверждение того, что урезать историю, тем самым лишая молодое поколение возможности учиться на ошибках старого, не следует. Исторические личности, говорит ученикам Крик, испытывали точно такой же страх и негативные настроения, что и Льюис.

Эрих Фромм видел причину возникновения негативного настроения в ограничениях, которые общество налагает на человека. Нахождение «в рамках» мешает человеку заниматься саморазвитием и достигать жизненных целей: «Человек явно испытывает глубокую потребность проникнуть в глубины своего социального и природного бытия, гонимый желанием вырваться из тех рамок, в которые он загнан. Этот порыв, вероятно, играет важную роль: он может толкнуть человека как на подвиг, так и на преступление» [13, с. 206].

В «Крейцеровой сонате» Василий Позднышев ставит цель жениться с самыми благими намерениями – быть с любимой всю жизнь, никогда не изменять ей, выйти за «социальные рамки». Со временем в герое возникает уверенность, что «животные инстинкты» составляют всю сущность супруги, но Позднышев не подозревает, что сам находится под влиянием тех же инстинктов, бушующих в нем вследствие полового общения в юности. «Восстановление» им справедливости на деле оказывается патогенной функцией – преступлением. Том Крик в «Земле воды», которого общество в лице Льюиса также ставит в жесткие рамки, говорит о важности истории на правах «следователя» и приводит ученикам примеры Томаса и Эрнеста в пользу исторического анализа. К интериоризации конфликта мы также относим преступление бесплодной (вследствие аборта) Мэри Крик – похищение младенца, – которое Тому предстоит осмыслить, созерцать в своем сознании.

Таким образом, к закономерности, в то же время – к исторической необходимости интериоризации субъектно-следовательской деятельности рефлексирующих персонажей Достоевского, Толстого и Свифта относится несовпадение внутреннего мировоззрения со внешней средой:

1. Родион Раскольников разрабатывает преступную теорию деления людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». В тот момент, когда герой Достоевского наблюдает со стороны применение постулатов его теории на практике (философия Лужина, жизнь Свидригайлова), он психологически трансформируется в «следователя» и чувствует необходимость разобраться с самим собой вследствие жизненных катастроф, ведущих к духовной (Лужин) или физической смерти (Свидригайлов).

2. Иван Ильич, чье ухудшающееся физическое состояние трансформируется в душевную боль, видит низменность социальных идеалов, которые для него отныне неприемлемы.

3. Василий Позднышев предпринимает попытку разорвать пути ложных ценностей, которыми его сковывает общество, но отношения с женой объективируют в нем жгучую ненависть к аморальному обществу, нравы которого, тем не менее, впитались в его психику.

4. Учитель истории Том Крик проецирует страхи директора Скотта на страхи своих предков Аткинсонов перед неизвестностью. Состояние неудовлетворенности, переживаемое героями Достоевского и Толстого, позволяет нам сравнить с ними персонажа Г. Свифта, посвятившего свою жизнь историческому анализу и возникающей на его основе интроспекции.

Список источников

1. **Беляков Д. А.** «Волшебная гора» Томаса Манна: от романа испытания к роману становления: монография. М.: Флинта, 2019. 224 с.
2. **Бондарев А. П.** Мифология. История. Человек: литература Великобритании и США: учебное пособие. М.: МГЛУ, 2014. 568 с.
3. **Гиппенрейтер Ю. Б.** Введение в общую психологию: курс лекций. М.: АСТ; Астрель, 2008. 214 с.
4. **Доронина О. В.** Малая проза в творчестве английских писателей второй половины XX века (Р. Тремейн, Г. Свифт, И. Макьюен): дис. ... к. филол. н. М., 2003. 152 с.
5. **Достоевский Ф. М.** Собрание сочинений: в 12-ти т. / под ред. Г. М. Фридендера и М. Б. Храпченко. М.: Правда, 1982. Т. 5. 544 с.
6. **Карельский А. В.** От героя к человеку: два века западноевропейской литературы. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
7. **Свенцицкий А. Л.** Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2019. 512 с.

8. Свифт Г. Земля воды: роман / пер. с англ. В. Михайлина. СПб.: Азбука-классика, 2004. 416 с.
9. Суслова Н. В., Усольцева Т. В. Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя. Мозырь: Белый ветер, 2003. 152 с.
10. Сухих И. Н. «Искать, все время искать...»: Толстой и его герои в поисках счастья // Толстой Л. Н. Крейцера соната. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. С. 5-38.
11. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
12. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. 414 с.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: перевод / авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.
14. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. высш. учеб. заведений. Изд-е 5-е, испр. и доп. М.: Академия, 2009. 432 с.
15. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6-ти т. / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. М.: ТЕРА – Книжный клуб; Республика, 1999. Т. 1. Мир как воля и представление. 496 с.
16. Юнг К. Г. Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Канон +; Реабилитация, 2016. 336 с.
17. Янов А. Л. Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский и К. Леонтьев) // Двадцать два: журнал. Тель-Авив, 1978. № 4. С. 191-210.

EVOLUTION OF A CHARACTER-INVESTIGATOR'S CONSCIOUSNESS IN NOVELS BY F. M. DOSTOEVSKY, L. N. TOLSTOY, G. SWIFT

Vareshin Nikita Vladimirovich
Moscow State Linguistic University
skainik@yandex.ru

By the material of the Russian literature of the XIX century and the English post-modernist novel "Waterland" (1983), the paper analyses the psychology of a literary personage (a criminal) and conditions, under which a personage transforms from an object of criminal investigation into a reflecting subject investigating his own crime. Criminous situations described by F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, G. Swift are examined in the comparative aspect. The author considers the following aspects of investigation: psychological "insight view", analysis of external social factors, retrospective historical analysis.

Key words and phrases: crime; investigator; G. Swift; detective genre; interiorization; exteriorization; psychology.

УДК 82.31:087.5

Дата поступления рукописи: 23.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.24>

Статья посвящена исследованию детективного жанра в современной детской английской эксцентрической литературе. Перечисляются имеющиеся поджанры классического детектива с целью последующего их сравнения с поджанрами детского детектива; систематизируются характеристики, определяющие детективный жанр в современной детской литературе; описываются сходства и выявляются различия детективного жанра для детей и взрослых, сопоставляются и сравниваются литературные эксцентрические тексты для детей на материале произведений двух известных английских авторов. В ходе работы была установлена количественная и качественная разница детективных поджанров для взрослых и детей и описаны тенденции, характерные для современного английского эксцентрического детектива для детей.

Ключевые слова и фразы: детективный жанр; эксцентрическое; современная детская английская литература; Дж. К. Роулинг; Р. Даль; индивидуальный авторский стиль.

Капкова Светлана Юрьевна, к. филол. н., доцент
Воронежский государственный педагогический университет
kapk@list.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЭКСЦЕНТРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. К. РОУЛИНГ И Р. ДАЛЯ)

Современная детская английская литература с элементами комического и эксцентрического представляет собой глубокий пласт для многоуровневого и разнопланового изучения. Существует стереотип, что для детской литературы характерны только сказки, короткие стихотворения, приключенческие рассказы и повести, но детская литература не стоит на месте, она развивается по общим литературным законам и претерпевает множество жанровых и стилистических изменений с переходом на антропоцентрическую парадигму. **Актуальность** исследования определяется растущим научным интересом к выявлению жанрового разнообразия в современной детской английской литературе.

Цель данного исследования – обсуждение проблемы расширения границ жанров современной детской литературы. В **задачи** исследования входит: 1) систематизация характеристик, определяющих детективный жанр в современной детской литературе; 2) выявление сходств и различий детективного жанра в произведениях для детей на материале произведений двух английских авторов в соответствии с существующими критериями.